

УДК 821.111

**КАТОЛИЧЕСТВО КАК ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ТЕМАТИЧЕСКАЯ ДЕТАЛЬ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЭВИДА ЛОДЖА****А.А. МАРДАНОВ***(Полоцкий государственный университет)*

Представленная статья написана в рамках исследования присутствия авторской индивидуальности в произведениях английских постмодернистов с целью критики деперсонализации искусства, постулируемой постструктуралистским литературоведением, и затрагивает католичество как авторскую тематическую деталь произведений Лоджа. Тематика католичества автора включает в себя исторические отступления; критику радикального католического догматизма, фальшивости некоторых католических категорий и обрядов, католической казуистики; необходимость реформ католичества, модернизации, рационализации в соответствии с современным состоянием европейской культуры, отказа от устарелой доктрины в пользу здравого смысла, поиска компромисса между строгой католической моралью и вседозволенностью, для чего используется оппозиция персонажей – ярый католик, ревностно (часто – до абсурда) ратующий за добродетель окружающих, пресекающий любые проявления неприличного поведения, и утративший веру агностик, подвергающий сомнению истинность и разумность католической догмы.

Введение. Лодж, защищающий классический реализм и современных писателей-реалистов, «...никогда не был склонен к полному отказу от идеи индивидуального автора как создателя текста...» [1, с. 227]. В интервью он говорит о зависимости творчества от личности и опыта автора. По собственному признанию, каждый его роман соответствует определённой фазе или аспекту его жизни [2]. Литература, по его словам, – ДНК воображения автора: «во всём, что делаешь, должна быть подпись, семейное сходство» [3]. В романах Лодж также произносит манифесты, провозглашающие автора: «настоящее письмо – это неизбежно что-то вроде саморазоблачения. Даже если оно не открыто автобиографично, оно косвенно обнаруживает ваши страхи, желания, фантазии, приоритеты» [4, с. 111], «написание художественной литературы... неизбежно... [является] разоблачением авторского «я», его души...» [5, с. 63]. Первостепенной автобиографической тематической деталью в художественной системе образов Д. Лоджа, обнаруживающей его индивидуальность, является католичество, формирующее философско-эстетическую идею его произведений.

Лодж в первую очередь является католическим романистом¹. Он жил в католической семье в суровых условиях послевоенной Англии, что нашло отражение в его ранних романах². В произведениях Лодж рисует портреты типичной католической семьи; описывает отношение к католикам и протестантам, осуждение католиками самоубийства, аборт и развода (неудачный брак нужно претерпевать), их отношение к браку; критикует сложность католичества: «...довольно трудно верить в бога – зачем его усложнять пресуществлением, непорочным зачатием, индульгенциями и тому подобным? Оно как алгебра. [...] К тому же оно замешано с ирландской политикой, что делает его ещё более запутанным» [7, с. 159 – 160]. Католические романы Лоджа – горькая сатира на жизнь английских молодых католиков, изображающая их борющимися с сексуальным желанием, стремлением к удовольствию, предлагаемому современным миром.

Основная часть. Индивидуальной особенностью мотива католичества в произведениях Лоджа является ироничный взгляд на упадок ортодоксальной веры. С возрастом отношение автора к религии изменилось: «я больше не являюсь абсолютно убеждённым трансцендентальным верующим» [8]. В произведениях Лоджа, по его собственному признанию, в хронологической последовательности заметно ослабление католической веры, что у него является общим с католическим писателем Г. Грином, чьё влияние обнаруживается во многих произведениях Лоджа. Во всех романах присутствует одна схема, одна оппозиция – один из двух главных персонажей является бывшим верующим, а второй персонаж всегда ярый католик. Персонажи, утратившие веру, не признают католическую доктрину, но из-за внушённого им в детстве страха уважают костёл как институт [9, с. 44], осознавая при этом позор приверженности суевериям. С возрастом они ходят в костёл всё реже – на свадьбы и похороны, потому что ча-

¹ Католический роман был темой его диссертации [6].

² Первый роман, который Лодж пытался написать, но который не был опубликован, назывался «Дьявол, мир и плоть» (*The Devil, The World, and The Flesh*) и был сфокусирован на персонажах-католиках.

ше не нужно – это уже лицемерие. Они продолжают венчаться в костёле, крестить своих детей, но не признаются родителям в утрате веры, чтобы не огорчать их. Родители, кому вера помогала справляться с жизненными трудностями, очень плохо переносят утрату веры у своих детей. Персонаж-католик используется для того, чтобы показать взгляд на этические дилеммы с перспективы католицизма и предложить противовес светским ценностям. Такой персонаж осуществляет жёсткий контроль за поведением детей³, для него типична ревностная забота о нравственности других людей, осуждение любых проявлений неприличия.

Оппозиция «верующий – утративший веру» используется для разрешения главной философско-эстетической идеи произведений Лоджа – поиска баланса, «золотой середины» между двумя полюсами – радикальной католической доктриной и либеральными установками эпохи постмодернизма. Идея Лоджа в том, что в современном мире уже невозможно придерживаться устаревшей католической теологии, но жизнь без веры бессмысленна и полна разочарований, поэтому необходимы изменения – нужно избавляться от устаревшего аппарата верований, чтобы понятия о морали не были абсурдными, вредными и смехотворными. Однако возникает очередная трудность: как далеко можно зайти, чтобы не отказаться от чего-то очень важного?

Вопрос «как далеко можно зайти?» является главным индивидуальным авторским мотивом, связанным с католичеством, и обсуждается в каждом произведении. Само название романа «Как далеко можно зайти?» затрагивает религиозную этику:

1) Как далеко можно зайти мужчине и женщине до свадьбы, не подвергнув свою душу опасности?⁴ Когда начинается секс и наступает запрет?

2) Как далеко может зайти церковь в борьбе против природы? Где заканчивается здравый смысл и начинается фашизм и террор церкви, а также где грань между естественным природным стремлением и грехом?

3) Как далеко можно заходить в борьбе с католической церковью? Если начинаешь подвергать сомнению справедливость католической системы, например, искусственный контроль над рождаемостью, – где необходимо остановиться?

Подобные вопросы Лодж затрагивает во всех романах. Он рассуждает о границах, когда ограничение из-за желания быть благодетельным переходит в здравый смысл или когда ослабление ограничений превращается в попустительство. Где рамки, в пределах которых веселье и вечеринки считаются безобидными? Как подростки могут отличить эгоистичное удовольствие от настоящей любви? Если молодым людям разрешается пользоваться противозачаточными средствами и вступать в интимную связь до свадьбы, где начинается вседозволенность? Как долго женщине, изображающей набожную католичку, можно воздерживаться от секса, чтобы это не привело к кризису отношений? Когда приверженность убеждениям превращается в абсурд? Если не ходишь на мессы из-за экзаменов, где предел, после которого ты подвергаешь свою душу опасности из-за пренебрежения мессой? Почему «безопасный метод» контроля рождаемости лучше, полезнее или этичнее, чем противозачаточные средства? Если разрешить секс до брака, как бороться с малолетней беременностью? Если запретить – как предотвратить разводы? Если отменить запрет на противозачаточные средства, как избежать извращений и сексуальной вседозволенности? Если оставить – как бороться с нежелательной беременностью? Если отменять некоторые табу, связанные с сексом, где граница, и кто её определяет? При каких условиях священник будет более социально ответственен, честен и здоров – при безбрачии, или всё-таки имея свою семью и детей? Почему священники должны пропагандировать светским людям ценности семейной жизни, от которых они сами должны отказываться? Если в них нет ничего греховного, почему они когда-то считались недоступными священнику? Размышляя над подобными вопросами, Лодж пытается установить гармонию, модернизировать католичество в соответствии с современным состоянием европейской культуры.

Лодж винит церковь в неэффективном контроле рождаемости; в перенаселении Европы; в увеличении количества борделей и случаев измены, вызванных запретом развода; во фригидности женщин, вызванной боязнью беременности; в страшных гинекологических осложнениях из-за чрезмерных родов; в отказе мужей от семейных обязательств; в распространении СПИДа в странах третьего мира из-за запрета противозачаточных средств; в воспрещении секса до брака, которое ведёт к разрушению многих из них, из-за неправильного выбора партнёра и последующего разочарования. Кроме того, запрет на секс до брака обесценивает сам брак.

Ослаблению веры способствовал «безопасный (ритмический) метод» (называемый в нескольких романах «ватиканской рулеткой»), неэффективность которого Лодж критикует в каждом романе. Из-за

³ См. [10, с. 25, 35, 161].

⁴ Об этом Лодж размышляет во многих произведениях. См., например, [11, с. 292].

него у всех главных персонажей много детей, и рождались они без плана. Особенно сатирично автор размышляет об этом в романе «Британский музей падает». Адам, у которого уже трое детей⁵, живёт в постоянном страхе, что его жена опять забеременеет. Для них католицизм сводится к большому количеству графиков температуры тела жены, чтобы определить время овуляции, календарей, блокнотов, полных цифр, сломанных термометров, чтобы уменьшить вероятность оплодотворения, но всё это не действует [12, с. 12].

Во многих романах критикуется суровое воспитание в католических школах, противоречащее природе, подавляющее личность, что проявляется в том, что молодёжь осуждает сексуальные отношения и одновременно тайно желает их. Любой сексуальный опыт они считают грехом и думают об исповеди, а любое затруднение принимают за божественное наказание их похоти. Ухаживания длятся неестественно долго. Любая мысль, вызывающая страсть, считается грязной. Всё, что хочется делать – плохо, а всё, что не хочется – хорошо. Часто в романах дети понимают, что они были зачаты до брака, что заставляет их ненавидеть лицемерие родителей по поводу приличия. Персонажи с помощью разума и логики пытаются вытеснить католические предрассудки и подготовить почву для потакания своим прихотям без угрызений совести. Например, в романе «Из убежища»⁶ говорилось, что можно мечтать о сексе, его можно представлять, но заниматься сексом – слишком большой грех. Поэтому персонаж размышляет: если умрёшь с таким грехом, отправишься в ад, но если столько людей этим занимаются, возможно, этот грех не так уж страшен.

В каждом романе присутствует противостояние католичества и либерального, потакающего общества, в котором исчезает страх ада. Лодж говорит, что воспитание в католических школах ответственно за неврозы у людей, поскольку все ограничения, озабоченность грехом и чистотой, страх попасть в ад⁷, которым терроризировали людей с детства, фрустрация, скука, подавление сексуального влечения, наносят непоправимый вред: «она несчастна, если не чувствует себя виноватой. Но, опять таки, она несчастна, потому что она чувствует себя виноватой. Потому что она ужасно боится попасть в ад» [15, с. 186].

Лодж много говорит о реформах католичества – рационализация католического образования в начале восьмидесятых, движение «Католики за Открытую Церковь», ослабление канонов традиционной католической метафизики. Ожидаются женатые священники, священники-женщины, что является, по мнению автора, протестантизацией католичества; перестали строго обращать внимание на одежду во время мессы, которые стали похожими на концерт, появились другие песни; стали жевать облатку зубами, что раньше запрещалось; произошла кричащая модернизация интерьера церкви, приведшая к десакрализации самой службы; священники уходят из церкви и женятся.

В романах Лодж делает исторические отступления, осуждающие истребление протестантов католиками, репрессий евреев, пыток, сжиганий, преследования «еретиков», – священники должны каяться за это каждый день, а они только переживают о количестве прихожан, приносящих деньги. Термин «мать», по мнению Лоджа, неверен для церкви, она скорее была в течение своей истории тираничным отцом.

Во многих романах автор подвергает сомнению нравственную чистоту католических священников [16, с. 105], а также многие категории католической метафизики: непогрешимость Папы, успение богородицы, воскрешение, непорочное зачатие, существование ада, процедура святого причастия, пресуществления – происходит ли обратное перевоплощение одной материи в другую в желудке, потому что вряд ли Иисус будет проходить через унизительную процедуру переваривания и испражнения? На каком именно отрезке в организме человека Иисус выпрыгивает из своей пшеничной колесницы в душу человека? Если вино пресуществления вылилось на пол, нужно ли сжечь ковёр, чтобы не совершать святотатства, вытирая его грязной тряпкой, или Иисус выйдет из вина до того, как оно упадёт на ковёр? Лодж критикует представление о том, что после смерти душа упокоится, и будет лежать до востребования, если будут сделаны необходимые ритуалы, поскольку это отдаёт язычеством. Представление о жизни после смерти, по мнению Лоджа, построено по слишком земным параметрам. Она рассматривается как уход на пенсию, который нужно себе обеспечить, но о котором не следует слишком много думать в на-

⁵ Такая тематическая деталь, как трое детей у молодых учёных (и промышленника) из романов «Думают...», «Приговор глухой», «Мир тесен», «Академический обмен», «Британский музей падает», «Хорошая работа», из-за чего они со своими женами живут в относительной бедности (кроме промышленника), является автобиографическим фактом.

⁶ Название романа символизирует побег не только из-под родительской, но и католической опеки.

⁷ Лодж неоднозначен в отношении ада: в одном романе он пишет, что если всё разрешить и упразднить религию, хаоса не возникнет из-за чувства самосохранения. Исчезновение ада, внушённый страх перед которым поломал много жизней, – это хорошее изменение. Если нет рая и ада, то нет смысла в религии [13, с. 257]. В другом он говорит, что нельзя убрать пенальти (представление об аде), не изменив не только сути, но и всего хода игры. Есть первородный грех, зло, поэтому людям нужна религия, чтобы защищаться от него. Однако религией должна стать совесть. Противопоставляя университетское образование католическим суевериям, Лодж говорит, что строить нужно не костёлы, а университеты. Именно они «...являются церквями и соборами нашего века» [14, с. 145].

чале карьеры. Раю присуще варьирование его качества по достоинству, запросам и развитию человека – если мечты «низки», рай будет соответствующим. По мнению некоторых теологов, упоминаемых Лоджем, жизнь после смерти будет соответствовать желанию каждого, и её не будет, если её не желают. То есть «божественный» текст о рае корректируется человеком, чтобы соответствовать веяниям времени.

Персонажи молятся машинально, не понимая – кому. Лодж часто спрашивает, зачем нужно посредничество Марии или Иисуса, если можно напрямую просить бога? Он иронично объясняет: потому что мы слишком стесняемся обращаться сразу к богу, поэтому мы чувствуем себя комфортнее, если обращаемся к посредникам. Всё это делает рай похожим на суд эпохи Возрождения, где святые толпятся с петициями в руках перед тронном бога [17, с. 217]. Молитвы имеют мало смысла в содержании. Если бог так великолепен, зачем ему нужно об этом говорить? Какой смысл просить его о чём-либо – если он существует, он знает, что каждому нужно? Одна молитва отменяет другую, когда, например, две команды молятся о победе. Проблемой является идея высшего существа, награждающего одних, и пренебрегающего другими, не менее достойными. Что бог делает, если фермер молит о дожде для урожая, а дети в то же время молятся о хорошей погоде для спортивного дня?

По Лоджу, даже современные теологи тяготеют к атеизму и преподают скорее религиоведение, чем христианство. Христианская ортодоксальность была смесью мифа и метафизики, которая не имела здравого смысла в современном мире после Просвещения. Всё, что связано с Иисусом (происхождение, рождение, воскрешение, влияние на людей) не выдерживает критики и может быть воспринято только метафорически. О фиктивности всей истории говорит тот факт, что если на других планетах есть жизнь, значит есть смерть, если есть смерть, значит есть религия, если есть религия, значит множество Иисусов умерло на Голгофе на разных планетах. Если персонажи Лоджа и верят во что-то, это не бог с седой бородой, которого учили бояться в детстве; бог – это, скорее, оно [18, с. 87].

В каждом романе критикуется лицемерие и ограниченность⁸ католиков. Например, Лодж порицает ханжество страстной пятницы, когда всем искусственно нужно грустить, ходить в церковь закутанными в ткань, целовать ноги Иисуса (что сотни людей сделали до этого), ненавистный пост, голодный день, целенаправленно невкусную еду. Абсурдным является женский монастырь, в котором монахини молятся двадцать четыре часа в сутки за деньги, что для них является деловым предприятием. Лодж смеётся над словом *supererogatory* («превышающий требования долга; излишний, ненужный»): «...полезное слово в теологии, означающее – больше, чем необходимо для спасения» [15, с. 3]. Лодж иронизирует по поводу того, что нейтральные деяния, не ведущие ни в рай, ни в ад, можно превратить в благие, например, сидя в автобусе, можно считать чётки, перебирая бусины, но если это делать нарочито демонстративно, это будет плохим деянием (то есть как далеко можно зайти в усердии, чтобы это не перешло в имитацию и симуляцию?). Лодж высмеивает сам факт градации грехов на простительные и смертные, индульгенции, являющиеся духовным ваучером, пленарные индульгенции, стирающие все грехи. Религия лицемерно рассматривается как полная страховка, а посещение воскресной мессы усиливает страховый полис. Произведения в хронологическом порядке всё больше и больше насыщены католической казуистикой, логическими обоснованиями несостоятельности и не современности той или иной догмы.

Заключение. Главная тематическая деталь в художественной системе образов произведений Лоджа напрямую опосредована его личным опытом. Она также обуславливает главную философско-эстетическую идею его произведений – поиск баланса между католической доктриной и здравым смыслом, отвечающего требованиям современного общества, не вступающего в противоречие с человеческой природой, но не ликвидирующего этические и моральные установки абсолютно. Стимулом её появления является внутренний конфликт в сознании самого автора, заключающийся в столкновении здравого смысла учёного, живущего в современном мире, с иррациональным страхом ада, внушённым в детстве жёстким католическим воспитанием, и вся сатира на католическую теологию, в целом, прочитывается как механизм защиты, собственная терапия автора, направленная на истребление этого иррационального страха.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красавченко, Т.Н. Лодж, Дэвид / Т.Н. Красавченко // Западное литературоведение XX века. Энциклопедия. – М.: ИНИОН РАН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел литературоведения; Intrada, 2004. – С. 226 – 227.
2. Author statement [Electronic resource] / David Lodge. British Council. Contemporary writers. – Mode of access: www.contemporarywriters.com/authors?p=auth62.html. – Date of access: 27.08.09.

⁸ Из-за консерватизма и боязни отступать от католической доктрины они отказываются от здравого смысла: «...невозможно вести рациональный разговор о чём-либо важном с религиозными людьми» [4, с. 33].

3. Writing of Intelligence: Academic, Artificial and Amorous [Electronic resource] / Mel Gussow. The New York Times. July, 5, 2001. – Mode of access: www.topics.nytimes.com/top/reference/timestopics/people/l/david_lodge/index.html. – Date of access: 29.09.09.
4. Lodge, D. Thinks... / D. Lodge. – London: Penguin books, 2002. – 342 p.
5. Lodge, D. Author, Author / D. Lodge. – London: Penguin Books, 2004. – 389 p.
6. David Lodge. Biography [Electronic resource] / Trevor Smith. – Mode of access: www.atrevorsmith.co.uk/books/David%20Lodge.html. – Date of access: 23.03.08.
7. Lodge, D. Ginger, You're Barmy / D. Lodge. – London: Penguin Books, 1984. – 218 p.
8. Interview with David Lodge [Electronic resource] / Lidia Vianu. Desperado Essay-Interviews, Editura Universitatii din Bucuresti, 2006. – Mode of access: www.lidiavianu.scriptmania.com/david_lodge.html. – Date of access: 23.03.08.
9. Lodge, D. Home truths / D. Lodge. – London: Penguin books, 2000. – 143 p.
10. Lodge, D. Nice work / D. Lodge. – London: Penguin books, 1989. – 384 p.
11. Lodge, D. Small World: an academic romance / D. Lodge. – London: Warner Books, 1984. – 385 p.
12. Lodge, D. The British Museum is Falling Down / D. Lodge. – London: Penguin Books, 1983. – 174 p.
13. Lodge, D. Paradise News / D. Lodge. – London: Penguin books, 1991. – 387 p.
14. Lodge, D. Out of the Shelter / D. Lodge. – London: Penguin Books, 1986. – 282 p.
15. Lodge, D. How far can you go? / D. Lodge. – London: Penguin Books, 1981. – 244 p.
16. Lodge, D. Changing Places / D. Lodge. – Bungay, Suffolk: Richard Clay Ltd, 1978. – 256 p.
17. Lodge, D. Deaf Sentence / D. Lodge. – London: Penguin Books, 2008. – 309 p.
18. Lodge, D. Therapy / D. Lodge. – Sec Ed. – London: Penguin Books, 1996. – 321 p.

Поступила 16.12.2010

CATHOLICISM AS AN INDIVIDUAL THEMATIC DETAIL OF DAVID LODGE'S WORKS

A. MARDANAU

The article is written within the scope of the research of the author's subjectivity presence in English postmodernist writers' works with the view of criticizing the idea of art's depersonalization postulated by poststructuralist literature studies, and deals with Catholicism as an individual thematic detail of Lodge's works. Catholicism as the author's subject matter comprises historical digressions, the criticism of the radical Catholic orthodoxy, hypocrisy and cynicism of some of the Catholic categories, Catholic casuistry, the necessity to reform, modernize and rationalize Catholicism in concordance with the modern state of the European culture, to abandon the obsolete doctrine in favour of the common sense, to search for a compromise between stern Catholic morals and permissiveness wherefore characters' opposition is employed – a zealous Catholic ardently (often – ad absurdum) standing up for the virtue of the people around him and suppressing any display of indecent behaviour, and an agnostic, who has lost faith, questioning the verity and reasonableness of the Catholic dogma.